

АЛЕКСАНДР ИЗВОЛЬСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЗАГОВОРАХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТРИГАХ
НАКАНУНЕ СВЕРЖЕНИЯ
МОНАРХИИ В РОССИИ

1905 — 1916

Александр Извольский

**Воспоминания. Министр
иностраннных дел о
международных заговорах
и политических интригах
накануне свержения
монархии в России. 1905–1916**

«Центрполиграф»

1920

УДК 94(47).08
ББК 63.3(2)53

Извольский А. П.

Воспоминания. Министр иностранных дел о международных заговорах и политических интригах накануне свержения монархии в России. 1905–1916 / А. П. Извольский — «Центрполиграф», 1920

ISBN 978-5-227-10190-7

Александр Петрович Извольский, русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел в 1906–1910 гг., в своих воспоминаниях прежде всего рассматривает эпоху первой русской революции и зарождение российского парламентаризма. Большое внимание автор уделяет работе I и II Государственных дум и деятельности Витте и Столыпина. Сообщает о секретных совещаниях, на которых обсуждался вопрос об образовании кабинета в составе С. А. Муромцева, А. А. Муханова, Г. Е. Львова, Д. Н. Шипова, И. Н. Милюкова и П. А. Столыпина. Приводит докладную записку царю о необходимости конституционных реформ, составленную Н. Львовым; подробно рассказывает о секретном договоре в Бьерке; об инциденте у Доггер-банки, едва не вызвавшем войну между Россией и Англией, и многое другое. Как и все авторы мемуаров, Извольский субъективен в своих мнениях и оценках событий и фигурантов в них участвующих, но его свидетельства, основанные на личных впечатлениях и подтвержденные документами, интересны и ценны деталями, за которыми чувствуется живая история. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).08
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-227-10190-7

© Извольский А. П., 1920

© Центрполиграф, 1920

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Извольский
Воспоминания. Министр иностранных
дел о международных заговорах и
политических интригах накануне
свержения монархии в России. 1905–1916

A.P. Izvolsky

Recollections of a Foreign Minister

© Перевод, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Оформление художника Я.А. Галеевой

* * *

Глава 1

Политическая ситуация в России (1905–1906)

Мое назначение на пост министра иностранных дел состоялось в мае 1906 года и совпало с открытием сессии Первой Государственной думы.

Я был *diplomate de carrier* и со времени поступления на государственную службу посвятил себя исключительно вопросам внешней политики. Но в октябре предшествующего года известные события вынудили меня принять активное участие во внутренних делах России, что не осталось без влияния на решение императора Николая поручить мне управление Министерством иностранных дел.

Во время описываемых событий я служил посланником в Копенгагене, будучи переведенным на этот пост из Токио в 1903 году, примерно за год до начала Русско-японской войны. Этот пост рассматривался в дипломатическом мире как весьма желанный, вследствие близости в отношениях между датской королевской фамилией и многими европейскими дворами, а также долгих и частых посещений, которые были в обычае у царя и у короля Англии по отношению к Копенгагену. Германский император также любил там появляться неожиданно, и, как понятное последствие пребывания правителей Европы, столица Дании являлась в то время центром дипломатической деятельности, предоставляя иностранным представителям исключительно удобный случай иметь наиболее полную осведомленность. Двое из моих предшественников – барон Моренгейм и граф Бенкендорф – получили назначение после Копенгагена в первоклассные посольства; третий, граф Муравьев, человек весьма средних способностей, заслужив личное расположение императора Николая, покинул Копенгаген, чтобы получить пост министра иностранных дел.

После смерти императора Александра III и в еще большей степени королевы Луизы, которую называли «тещей Европы», Копенгаген утратил несколько свою значительность, но тем не менее он оставался хорошим пунктом для наблюдений; время от времени, хотя не менее частыми промежутками, посещения то одного, то другого королевского родственника сообщали этому городу значительность былых дней. Как видно будет дальше из чтения этих мемуаров, я получил возможность в один из визитов короля Эдуарда, после долгих беседований с ним, подготовить базу для соглашения, заключенного в 1907 году между Россией и Англией, которое оказало столь большое влияние на последующие события в Европе.

Лично, однако, я имел основания рассматривать свое назначение в Копенгаген как проявление известной немилости, потому что в то время, когда находился в Токио, я был решительным противником той «твердой» политики, которая была принята Россией по отношению к Японии и инспирировалась безответственной камарильей, имевшей большое влияние на императора.

Не исчерпывая до конца объяснения тех событий, которые вызвали Русско-японскую войну, достаточно сказать, что в качестве представителя России в Токио я настойчиво рекомендовал принять примирительную позицию по отношению к Японии и заключить соглашение с этой страной по вопросам, касающимся Маньчжурии и Кореи. Мои усилия в этом направлении имели своим последствием посылку в Европу такого достойного государственного деятеля, как маркиз Ито, в целях создать возможность сближения между Россией и Японией. Эта миссия, если бы она увенчалась успехом, была бы способна изменить весь ход событий и исключила бы возможность войны, но холодный прием, оказанный японским представителям в Петербурге, и медлительные ответы, которые давались им русским правительством, к несчастью, определили полный неуспех этого предприятия. Дальновидный представитель Японии в Лондоне счел необходимым поспешить с заключением англо-японского союза.

Уверенный в то время, что политика, принятая императором под влиянием Безобразова, адмирала Абазы и Алексева, неизбежно должна привести к войне, и не желая быть простой игрушкой в этом деле, я попросил разрешения вернуться в Европу. По прибытии в Петербург я был очень холодно принят императором, и советы, которые пытался давать относительно дальневосточных дел и в частности относительно наших взаимоотношений с Японией, систематически игнорировались. Было еще и другое основание для столь холодного приема. Я пользовался при дворе в Царском Селе репутацией «либерала», сочувственно относящегося к движению, которое успело уже проявить себя в то время в направлении необходимости конституционных реформ в России. Это, конечно, не могло predispose в мою пользу царя и еще меньше царицу, которая уже тогда проявляла реакционные тенденции. Хотя в то время она не успела еще приобрести того влияния, которое явилось столь доминирующим в последние дни существования монархии, однако, несомненно, ее предубеждение являлось причиной лишения меня доверия императора. Ввиду этих обстоятельств казалось, что имелось очень мало шансов для меня получить дипломатическое назначение большей или меньшей важности; но вместе с тем вдовствующая императрица, дочь короля Кристиана IX, относилась ко мне с большой благожелательностью. Это в значительной мере обуславливалось дружеским расположением, которое она питала к моей жене, выросшей, так сказать, на ее глазах (моя жена была дочерью графа Карла Толя, сына знаменитого генерала, носившего ту же фамилию и бывшего в течение многих лет русским посланником в Копенгагене). Царь, из чувства почтения к своей матери, никогда не назначал посланников в Копенгаген, не посоветовавшись сначала с ней. Таким образом, случилось то, что, в соответствии с ее желанием, я получил назначение, очень почетное, несомненно, – но не имевшее при обстоятельствах того времени никакого политического значения.

Время шло, и печальные события Русско-японской войны постепенно рассеивали иллюзии императора, заставляя его склоняться к признанию правильности моих предсказаний и к желанию предоставить мне более активную роль. К концу войны он решился выполнить свое намерение назначить меня посланником в Берлин на пост, который оказался вакантным, ввиду ухода престарелого графа Остен-Сакена. Еще раньше я был осведомлен, что император предполагал использовать мои специальные познания в японских делах, которые я приобрел во время моего пребывания на Востоке. Как результат посредничества президента Рузвельта, переговоры о заключении мира в Портсмуте были почти предрешены, и император долгое время колебался в выборе полномочного представителя. Сначала этот пост был предложен посланнику в Париже Нелидову, затем посланнику в Риме Муравьеву. Оба ответили отказом; первый ссылаясь на свою неосведомленность в делах Дальнего Востока, второй – на плохое состояние своего здоровья.

Казалось, что благодаря этим отказам император остановит свой выбор на мне и что я в сорок восемь часов буду назначен главой делегации, которая должна была быть направлена в Америку. Но моя кандидатура встретила сильную оппозицию со стороны министра иностранных дел графа Ламсдорфа, защищавшего назначение Витте, с которым он был тесно связан не только лично, но и политически.

В то время кандидатура Витте была особенно нежелательна для императора, который недоброжелательно относился к этому выдающемуся государственному деятелю и не вполне доверял ему даже тогда, когда ему был поручен весьма ответственный пост в империи в прошлом. Что касается меня, я совершенно уклонился от вопросов, которые являлись важными для того времени; с начала войны я взял за правило не касаться в моих официальных сообщениях дел, которые были в стороне от моего специального поручения, и воздерживаться от предложения каких бы то ни было советов, касающихся того трудного положения, в котором оказалось правительство. Тем не менее я был настолько убежден в величайшей важности личного влияния нашего представителя, которое могло иметь решающее значение в вопросе успеха

или неудачи мирных переговоров, что решил нарушить мое молчание и написал письмо графу Ламсдорфу, в котором выразил мое глубокое убеждение со всей энергией, на какую только я был способен, что единственным человеком в России, который успешно выполнил бы столь сложное дело, является Витте. Мое убеждение основывалось на знании того исключительного авторитета, которым пользовался Витте в Японии, и тех симпатий со стороны японцев, которые он приобрел в течение времени, предшествовавшего войне. Мое письмо получено было в Петербурге как раз в тот момент, когда граф Ламсдорф исчерпал все аргументы в пользу кандидатуры Витте, и, как он сам мне говорил позже, оно помогло рассеять все сомнения императора.

Витте отправился в Америку, и, как всякий знает, – с каким выдающимся талантом, я бы сказал, с гениальностью, – он успешно завершил порученное ему дело. Император, соглашаясь на совет графа Ламсдорфа, выразил пожелание, чтобы я сопровождал Витте в качестве второго полномочного представителя, но в это время Витте был настолько предубежден против меня, что настоял на назначении вместо меня моего преемника в Японии, барона Розена, которого он рассматривал как наиболее послушного сотрудника.

Как бы то ни было, я не только никогда не сожалел о моем вмешательстве в пользу назначения Витте, но и убежден, что моим вмешательством я принес действительную пользу моей стране. Наиболее распространенным мнением среди общества в России является мнение о незначительных результатах, достигнутых Витте в Портсмуте; в этом, как и в других областях, его соотечественники и современники не совсем к нему справедливы. Лично я никогда не был в близких отношениях с Витте, наоборот, я вынужден был энергично оппонировать некоторым из его политических концепций, касавшихся вопросов внешней политики, но я обязан воздать ему должное за то, что им было достигнуто в Портсмуте. Никто из профессиональных дипломатов не мог бы сделать того, что было сделано им. Дело требовало всей силы личного престижа этого «самоучки», влияния его личного авторитета на широкое общественное мнение американской демократии, чтобы получить для России, несмотря на ее неудачи, моральное преимущество над представителями противной стороны. Одной из причин этого преимущества являлась та способность, с которой Витте сумел использовать прессу Америки и Англии, благодаря благожелательному и искусному содействию корреспондента Daily Telegraph доктора Э. Дж. Диллона. Этот замечательно талантливый публицист в течение долгого времени находился в близких дружеских отношениях с Витте и пользовался его полным доверием. Он сопровождал его в Америку, и без всякого колебания я могу сказать, что значительная доля успеха русской делегации должна быть приписана усилиям доктора Диллона. Завершая свой комментарий этого эпизода, я добавлю, что, когда впервые имел случаи выступить перед Думой, почел своим долгом защищать Портсмутский договор, хотя это требовало некоторой смелости в то особое время. Я с удовлетворением узнал, что Витте, несмотря на свое нерасположение ко мне и несмотря на свои большие ошибки, почувствовал ко мне, его явному политическому противнику, большую благодарность.

В то время, когда происходили переговоры в Портсмуте, я оставался в стороне от всякого участия в активной политике, но несколько позже, в октябре 1905 года, был внезапно вовлечен в сферу деятельности, которая до сих пор была совершенно незнакома мне, – в решение вопросов внутренней государственной жизни. На этом пути я вошел в непосредственное соприкосновение с царем и стал одним из главных деятелей в драме, которая разыгрывалась в то время в России. В эту историческую эпоху Россия переживала величайший внутренний кризис. Революционное движение, возникшее в результате военных неудач русской армии в Маньчжурии, завершилось всеобщей забастовкой, которая не только остановила железные дороги, но парализовала всю экономическую жизнь страны. Серьезные беспорядки произошли в провинции, и движение, принявшее угрожающий характер, имело место по всей империи, в особенности в столице. Вдовствующая императрица, которая в то время жила в Копенгагене, была очень

обеспокоена положением вещей и в своих разговорах со мной часто выражала опасения. Я воспользовался этими разговорами и попытался убедить ее и через нее убедить царя в необходимости пойти на уступки, пока еще не поздно, разумным требованиям умеренно-либеральной партии, с тем расчетом, чтобы заручиться помощью этой партии в сопротивлении в тогдашних чрезвычайно неблагоприятных условиях радикальным и революционным партиям. Мои усилия в этом направлении встретили энергичную поддержку со стороны брата императрицы, короля Фридриха VIII, человека большого чутья в политических делах, который только что сменил своего отца, короля Кристиана IX, на престоле Дании. Императрица согласилась написать своему сыну и убедить его дать России конституционную хартию с его собственного согласия, и в то же время было решено, что я должен отправиться в Петербург, чтобы передать письмо и выступить интерпретатором и защитником перед императором того совета, который давала вдовствующая императрица.

Быстро добраться до Петербурга было нелегко, так как путешествие по суше было невозможно из-за всеобщей забастовки железнодорожников, а паровозного сообщения между Россией и Данией не было. По требованию Фридриха Датская Восточно-Азиатская компания предоставила в мое распоряжение один из почтовых пароходов, St. Thomas, который как раз в это время находился в копенгагенском порту. Таким образом, я имел возможность высадиться прямо в Петербурге. Путешествие было быстрым, но не особенно приятным, так как St. Thomas был нагружен, а Балтийское море бывает наиболее беспокойным в этот период.

В момент моего прибытия в Петербург кризис подходил к кульминационной точке. Я не хочу останавливаться в этих своих воспоминаниях на деталях тех трех недель, которые провел в столице в эти исторические дни последней части октября 1905 года; достаточно сказать, что в эти три недели я не только был внимательным наблюдателем событий, которые имели место в связи с Манифестом 17 (30) октября 1905 года, но и принял участие в событиях, которые поставили меня в тесное соприкосновение с императором Николаем, точно так же, как с наиболее видными министрами и политическими деятелями того времени. Особенно с графом Витте, который получил этот титул непосредственно после возвращения из Америки. Он был назначен председателем первого конституционного кабинета и принял на себя дело установления новых форм организации управления империей. Он начал свое трудное дело с приглашения в Петербург лидеров либеральной и умеренно-либеральной партий, которые в то время находились на конференции в Москве и с помощью которых он надеялся выполнить порученное ему дело. Среди них находились князь Львов (позже глава первого Временного правительства 1917 года), князя Урусов и Трубецкой, господ Гучков, Стахович, Родичев и Кокошкин, который был убит большевиками в 1918 году. Целью графа Витте было разработать совместно с ними правительственную программу и убедить некоторых из них присоединиться к его кабинету. В ходе этих переговоров я принял на себя энергичную защиту перед императором идеи образования жизнеспособного правительства, составленного из людей, искренно расположенных и способных воплотить в жизнь конституционные реформы, изложенные в Манифесте, в целях ограничения влияния крайних элементов и сопротивления тем чрезмерным требованиям, которые предъявлялись революционерами. Среди лиц, приглашенных графом Витте, я имел несколько личных друзей, и я энергично убеждал их согласиться работать с графом, но, к несчастью, этот проект, который казался единственно возможным в то время, потерпел неудачу. Ни одно из лиц, приглашенных графом Витте, не согласилось сотрудничать с ним; политические страсти были слишком напряжены и партийная тирания слишком сурова, чтобы можно было бы с их стороны получить правильное решение. Я считаю даже теперь, что их отказ поддержать графа Витте являлся тяжелой политической ошибкой и большим несчастьем для России, так как этот отказ поставил его перед необходимостью ориентироваться в сторону реакционных и узко-бюрократических элементов для образования своего кабинета, — элемен-

тов, которые были совершенно непопулярны в стране и неспособны сообщить кабинету необходимую устойчивость перед лицом грядущей Думы.

К концу моего пребывания в Петербурге положение не изменилось в благоприятную сторону: опубликование Манифеста сопровождалось в провинции целым рядом беспорядков и антиеврейскими погромами. Эти события застали врасплох графа Витте и вызвали непосредственно принятие контрмер при дворе. Реакционная партия использовала случай, чтобы поднять голову и попытаться возобновить свое влияние на императора. Между этой партией и графом Витте завязалась ожесточенная борьба. После опубликования Манифеста 17 (30) октября граф Витте ожидал проявления взаимной уступчивости в различных общественных кругах, но вместо этого он сам оказался предметом жестоких нападков со стороны крайних правых и левых и объектом полного равнодушия со стороны умеренных либералов. Когда я покидал графа Витте, чтобы отправиться в Копенгаген, был поражен пессимистическим характером следующего его замечания: «Манифест 17 октября, – сказал он, – предотвратил немедленную катастрофу, но он не явился радикальным лекарством в создавшемся положении, которое до сих пор остается угрожающим. Все, на что я могу надеяться, – это сохранить положение без больших потрясений до открытия Думы, но даже в осуществлении этой надежды я не могу быть вполне уверен. Новый революционный взрыв представляется всегда возможным». Подобный пессимизм со стороны столь энергичного человека мог поразить не только меня; он находил объяснение исключительно в том глубоком разочаровании, которое Витте испытал в связи с непосредственными результатами издания Манифеста и сверх того – в отсутствии сочувствия со стороны либеральной партии, которое он не мог предвидеть; на это сочувствие он возлагал большие надежды. Участие, которое я принял в переговорах с умеренными либералами, сделало вполне естественной вероятность моего назначения на пост министра иностранных дел в кабинете, который мог бы образоваться при их участии. Император, который в то время казался весьма искренно расположенным к идее образования такого кабинета, благожелательно относился к моей кандидатуре. Принимая меня на прощальной аудиенции, он говорил мне, что граф Ламсдорф – типичный функционер старого режима – не мог и не хотел приспособливаться к новому порядку вещей и вынужден будет уйти в отставку перед открытием Думы. Он указал также, что имеет в виду меня в качестве преемника графа Ламсдорфа. По возвращении в Копенгаген, я внимательно следил за развитием событий в России и все больше и больше убеждался, что дело движется к кризису. Граф Витте встретился с чрезвычайными затруднениями, и ни для кого не было секретом, что император, несмотря на свое признание чрезвычайных достоинств этого государственного человека, был тем не менее не способен победить чувство недоверия и недоброжелательности, которое столь долго питал к этому министру. Граф Витте, со своей стороны, с трудом скрывал свое нерасположение к наследнику Александра III, при котором он успешно работал и полным доверием которого пользовался. Я попытаюсь позже наметить главные черты характера графа Витте. Он, несомненно, был большим государственным деятелем, даже гениальным, но его суровый характер в тот критический момент, который переживала Россия, являлся причиной неудач перед лицом тогдашних событий. Одной из причин, и не последней, неудач его карьеры была полная противоположность между ним и его монархом. Дело было в том, что Витте настаивал перед императором, ввиду событий, на быстром даровании реформ, что казалось в то время единственно целесообразным. Либеральные идеи одно время имели успех при дворе, но постепенно реакционная партия возобновила свое прежнее влияние на Николая II, и для нее не составляло труда восстановить царя против Витте. Она намекала, что граф Витте, как человек честолюбивый, стремится к уничтожению монархии и к провозглашению себя президентом Российской республики. Я имею основание думать, что император неизбежно все больше и больше склонялся доверять этим инсинуациям. Со своей стороны, я совершенно уверен в добром желании и честности усилий графа Витте в стремлении разрешить проблему без ущерба для монархического принципа

или династии, и даже больше того, без ограничения императорских прерогатив, несмотря на то, что это казалось неизбежным ввиду дарования конституционной хартии. Тогда я вновь прибег к дружескому расположению ко мне вдовствующей императрицы, которая продолжала жить в Копенгагене. Моей целью было предрасположить императора отнестись с доверием к графу Витте и оказать ему полную поддержку в осуществлении им его программы. Несколько писем такого рода были написаны императрицей своему сыну, но, видимо, они не имели успеха. Сам граф Витте не только полностью осознавал трудности своего дела, но все меньше и меньше был уверен в возможности довести его до успешного конца.

Манифест 17 октября, если бы он был принят шесть месяцами ранее, как спонтанный акт, вызванный собственным чувством справедливости царя, мог бы, по мысли Витте, успокоить недовольные элементы; но случилось так, что этот акт рассматривался революционной партией как вынужденный поступок императора, вызванный всеобщей стачкой. Эта партия открыто заявляла свою не удовлетворенность уступками, уже сделанными императорской властью, и указывала на необходимость дальнейшего применения того же самого метода, чтобы вырвать у власти другие и еще более широкие уступки. Революционная агитация возобновилась, но в то же самое время ей было противопоставлено движение, которое началось со времени всеобщей забастовки среди населения провинции. Это контрреволюционное движение было организовано реакционной партией, которая образовала обширные организации, называемые «Союзом русского народа». Эта организация под покровительством местных властей образовала так называемую «черную сотню», рекрутировавшую своих членов из подонков общества, получивших задание выполнять антиреволюционные выступления. Манифест 17 (30) октября, неспособный положить предел кризису, создал новую базу для ожесточенной агитации. Действительно, первые три месяца, следующие за объявлением конституционных свобод, были отмечены целым рядом кровавых событий, начиная с кронштадтского восстания. Это восстание подало сигнал к другим беспорядкам во флоте, в Севастополе и в других местах. Поволжье и другие губернии становились театром аграрных беспорядков и еврейских погромов. Эти беспорядки были особенно ожесточенны в прибалтийских губерниях, где они приняли характер настоящей жакерии, и в конце концов, в декабре месяце, закончились вооруженным выступлением в Москве, которое было подавлено с помощью петербургской гвардии ценою величайшего кровопролития.

События этого времени значительно ослабляли позицию графа Витте, значение которого в это время систематически подрывалось одним из членов его кабинета, министром внутренних дел Дурново, бюрократором, которого Витте был вынужден привлечь, ввиду отсутствия поддержки со стороны либералов. Дурново, будучи в течение долгого времени чиновником полицейской службы, являлся человеком столь же прямолинейным, сколь честолюбивым; но с другой стороны, он был одарен замечательной интеллигентностью и энергией. Раньше он оставался в тени благодаря знаменитому генералу Трепову, всевластному начальнику полиции, занимавшему этот пост в период времени, предшествующий объявлению Манифеста 17 (30) октября, а в то время, которое мы теперь описываем, являвшемуся комендантом императорских дворцов, – должность, которая доставляла ему возможность ежедневно видеться с императором и играть на его нерешительности и предубежденности. То обстоятельство, что Дурново занял все же столь ответственный пост, являлось результатом особого расположения к нему царицы, реакционные настроения которой не составляли секрета. Благодаря всем этим обстоятельствам, Дурново, являясь душой реакционной партии, получил возможность оказывать преимущественное влияние на императора, которому он с большой настойчивостью советовал уничтожить конституционную хартию и восстановить прежнее автократическое правительствo. Сам царь, казалось, все более и более склонялся к выполнению этих советов. В декабре 1905 года на приеме монархической депутации, которая подала петицию о восстановлении самодержавия, царь высказывал еще, что Манифест (17) 30 октября явился «выраже-

нием его непреклонной воли и не может быть ни в коем случае изменен». Но несколькими неделями позже он ответил другой депутации, которая настаивала на отставке графа Витте и протестовала против установления равноправия евреев, что он является единственным носителем власти и признает себя ответственным только перед Богом. Кроме того, он прибавил: «Свет правды скоро воссияет и все станет ясным; сыны России, соединяйтесь и будьте наготове». Этот загадочный язык, окрашенный мистицизмом, знаменовал собою успех, достигнутый реакционной партией, и в ближайшем будущем явился точкой отправления для антиреволюционного реванша. Несмотря на эти тревожные симптомы, положение резко изменилось только в начале марта. Следуя советам графа Витте, император выпустил новый манифест, сопровождавшийся двумя указами, определившими новый государственный строй империи, согласно с принципами, изложенными в Манифесте 17 (30) октября. Законодательная власть была предоставлена двум палатам: Государственному совету или верхней палате, с составом наполовину назначенным, наполовину выборным, и Думе, все члены которой были избираемы. Такая организация давала России полную конституционную систему, которая, несмотря на некоторые недостатки, являлась тем не менее решительным шагом вперед и благодаря этому искренно приветствовалась всеми, включая и меня, кто представлял умеренные либеральные круги. Умеренно-либеральная партия, которая приняла наименование «октябристов», продолжала оставаться в оппозиции к графу Витте, базируясь скорее на личной, чем на политической почве, но заявляла себя готовой и расположенной поддерживать всякий кабинет, который искренне проявит стремление к проведению либеральных реформ. С другой стороны, более крайние либералы, официально называвшие себя конституционно-демократической партией (сокращенное название к.д., благодаря игре слов превращенное в «кадеты»), оставались враждебными, настаивая на том, что права, предоставленные Думе, недостаточны, особенно в том, что касается бюджетного права и права интерpellации. Кадеты, которые были очень хорошо организованы, подготовили чрезвычайно широкую избирательную кампанию, положив во главу угла своей программы требование расширения прав Думы, открытие которой должно было состояться 10 мая. Чем ближе подходило это время, тем все более и более становилось очевидным, что отставка графа Витте являлась неизбежной, ввиду недоверия к нему со стороны императора и оппозиции всех политических партий. Несколько известных государственных деятелей намечались в качестве его заместителей – все принадлежали к бюрократии, и в числе намечаемых изменений на министерских постах, среди прочих, значилось и мое имя, как кандидата на пост министра иностранных дел. Это предполагаемое назначение, приемлемое для меня при других условиях, если бы кабинет мог образоваться из людей, близких мне по своим политическим воззрениям, не являлось в то время для меня желательным, особенно потому, что мне пришлось бы работать с группой бюрократов, которые неизбежно должны были прийти в столкновение с Думой. Кроме того, будучи в течение трех лет в стороне от активной дипломатической деятельности, я чувствовал себя недостаточно подготовленным для работы по управлению внешними делами моей родины, в особенности в столь смутное и критическое время. Я решил тогда же попытаться убедить императора поставить во главе Министерства иностранных дел старейшего и наиболее испытанного дипломата, каким, например, являлся Нелидов, назначить меня, как то было предположено раньше, в одно из ответственных посольств с тем, чтобы я имел возможность лучше познакомиться и войти в курс вопросов европейской политики. В марте я получил трехнедельный отпуск и уехал в Париж и Лондон, где намеревался ознакомиться с общим политическим положением и повидаться с нашими посланниками в этих столицах – Нелидовым и графом Бенкендорфом, рассчитывая также встретиться в Париже с нашим посланником в Риме – Муравьевым. Я был в очень близких отношениях со всеми тремя, и, при полной согласованности с ними в моих взглядах относительно руководящих политических вопросов дня, мне было особенно важно рассмотреть с ними международное положение с внешними и внутренними затруднениями, которые в то

время испытывала Россия. Я надеялся также получить согласие Нелидова относительно плана, который я намеревался предложить императору.

Мое пребывание в Париже и в Лондоне было весьма успешно, так как оно дало мне возможность достигнуть полного единения во взглядах между мною, Нелидовым, графом Бенкендорфом и Муравьевым относительно желательной линии политики России. И это была именно та линия политического поведения, которая была предложена мною царю, когда всего несколько недель спустя я был назначен на пост министра иностранных дел, и которая в конечном счете привела к соглашению, ставшему впоследствии известным миру под именем «Тройственное соглашение».

Это единство наших взглядов красной нитью проходило через все время пребывания моего на посту министра иностранных дел, и я с чувством глубокой признательности отдаю должное памяти этих трех выдающихся политических деятелей, которые в любое время оказывали мне столь просвещенное и столь лояльное содействие, из которых ни один – увы! – не числится в настоящее время в списках живых.

Вместе с тем мой проект склонить Нелидова к выдвижению его кандидатуры на пост министра иностранных дел встретил с его стороны категорический отказ, и у меня ничего другого не оставалось, как приняться самому, совершенно против моей воли, за дело, которое представляло в тех условиях величайшие трудности.

Мое посещение Парижа и Лондона совпало с чрезвычайно интересной политической фазой – с последними днями Альхесирасской конференции. Прения в Альхесирасе подводили, так сказать, итоги дипломатической работе, которая была произведена Европой за истекший год, и мне было чрезвычайно интересно осведомиться о том, что делалось за кулисами этой конференции. Нелидов и граф Бенкендорф с величайшей доброжелательностью посвящали меня во все детали сложной игры соперничающих интересов, которые обнаруживались в течение этой памятной дипломатической встречи.

Это время было отмечено инцидентом, которому историки конференции уделили только небольшое внимание, но который, с моей точки зрения, имел громадное влияние на взаимоотношения России и Германии и, следовательно, на последующие европейские события.

Я имею в виду циркулярную ноту графа Ламсдорфа, приглашавшую русских представителей следовать за правительствами, присоединившимися на конференции к инструкциям, которые были преподаны русским уполномоченным в Альхесирасе, относительно чрезвычайно острого вопроса о полиции. Содержание этого циркуляра положило конец слухам, исходящим из Берлина, о том, что Россия будто бы отказалась поддерживать Францию в этом спорном вопросе и всецело присоединилась к германской точке зрения. Нелидов, обеспокоенный этими слухами, признавал необходимым успокоить общественное мнение Франции и в этих целях сообщил содержание циркулярной телеграммы французскому журналисту Тардье, который опубликовал ее в газете *Le Temps*. Это вызвало взрыв негодования со стороны германского императора, который расценил это не только как поддержку Франции Россией, но и почувствовал себя лично задетым теми комментариями, которыми сопровождалось опубликование телеграммы.

Он, не колеблясь, начал публично критиковать Николая II в очень резких выражениях за черную неблагодарность царя по отношению к Германии, и в то же время германская пресса, указывая на заслуги Германии перед Россией во время Русско-японской войны, предприняла бешеную кампанию против русской дипломатии, действуя, несомненно, по указке правительства. В конце концов немецким банкам было приказано под угрозой репрессий воздержаться от участия в русском займе, переговоры о котором велись в Париже и часть которого должна была быть предоставлена немецким финансистам.

Несколько позже, когда по моим обязанностям министра иностранных дел я получил полную осведомленность о той настойчивости, с которой кайзер старался привлечь Николая II

к заключению союза с Германией, я имел возможность отчетливо понять действительные причины гнева и печали германского императора.

Его временный успех в этом направлении, достигнутый благодаря известной встрече в Бьерке, с этого времени был совершенно утрачен, как об этом будет рассказано в следующей главе, в которой я также объясню, каким образом план кайзера был нарушен вмешательством графа Ламсдорфа. В то время, о котором я рассказываю, германский император не потерял еще надежды привлечь царя к выполнению соглашения в Бьерке, но опубликование депешы графа Ламсдорфа должно было окончательно убедить его в неудаче задуманного плана, и он в течение многих лет питал скрытое нерасположение к Николаю II, пока не решился сбросить с себя маску в августе 1914 года.

Инцидент с депешей графа Ламсдорфа имел курьезный эпилог в Берлине. Князь фон Бюлов, будучи запрошен по этому поводу Бебелем в рейхстаге, встал, чтобы ответить, но тотчас же упал в обморок. Хотя его здоровье вскоре восстановилось, он тем не менее должен был на некоторое время устраниваться от политической жизни. Несомненно, что, если бы его ответ не был столь внезапно прерван, общество было бы осведомлено о столь радикальной перемене в русско-германских отношениях.

Во время моего пребывания в Париже и Лондоне я узнал первые результаты выборов в Думу. Эти результаты явно показывали, что кадеты одержали полную победу не только над реакционерами, но также и над октябристами.

Победа кадетов обуславливалась главным образом их великолепной организацией, но правительство или, вернее, Дурново весьма содействовали этому успеху, так как слепые и жестокие преследования со стороны полиции приводили в отчаяние наиболее умеренные элементы страны. Это подкрепило мою уверенность в том, что новый кабинет, тогда образованный, должен в скором времени вступить в конфликт с Думой, и я почувствовал еще большее нерасположение к вопросу о своем вхождении в этот кабинет.

Вскоре по моем возвращении в Копенгаген я был вызван императором в Петербург, чтобы заместить графа Ламсдорфа. Мне ничего не оставалось, как только повиноваться, и я прибыл в Петербург в самый день открытия Думы, как раз вовремя, чтобы присутствовать на известной церемонии в Зимнем дворце. Император в этот день принял отставку графа Витте и назначил премьер-министром Горемыкина. Затем последовала почти полная смена состава кабинета. Я имел твердое намерение остаться в стороне, но император воззвал к моей лояльности в таких выражениях, которые исключали всякую возможность настаивать на отказе, и несколько позже было объявлено о моем назначении на пост министра иностранных дел.

Глава 2

Секретный договор в Бьерке

Прежде чем говорить о моем вступлении в отправление новых обязанностей, представляется необходимым обрисовать то общее политическое положение Европы, которое существовало в то время и в сопоставлении с которым я коснусь того эпизода, который представляет громадный интерес для общественного мнения Франции и Англии. Я говорю о секретных переговорах между царем и германским императором, которые имели место в Бьерке летом 1905 года.

Опубликование этого секретного договора русским революционным правительством в 1917 году, вместе с телеграфной корреспонденцией, которой обменялись в то время русский и германский императоры, вызвало многочисленные возражения и полемику в литературе. Некоторые из книг и газетных статей, трактовавших этот вопрос, явно пристрастные по своей природе, несправедливо обвиняли императора Николая в совершении самого отвратительного из преступлений: измене своему союзнику – Франции; другие, написанные в более умеренном духе, по необходимости были неполны, так как их авторы не располагали первоисточниками.

Бьеркский договор был подписан за год до того, как мною было принято управление иностранной политикой моей страны, и поэтому я не играл непосредственной роли в этом эпизоде, но по должности министра иностранных дел я имел возможность ознакомиться со всеми обстоятельствами, сопутствующими этому факту. Я убежден, что я не выполнил бы своего долга по отношению к несчастному государю, которому я служил много лет и чьи хорошие качества, а также чьи слабости признаю, если бы не попытался дать свое показание в дополнение к той дискуссии, которая неизбежно была извращена полемикой.

Но, отводя значительное место этому эпизоду, я ставлю себе целью не только восстановить истинное освещение фактов; обстановка заключения секретного договора дает возможность понять в ясной и определенной форме общее международное положение, которое я застал, когда принял на себя мои новые обязанности. Поэтому я считаю себя обязанным рассмотреть первоисточник последующих событий, и мое повествование было бы неполным и, даже больше того, не вполне понятным, если бы я не коснулся деталей и причин описываемого мною эпизода.

Международное положение, которое создалось к весне 1905 года, было чрезвычайно сложно.

Несчастливая война с Японией не только вызвала ослабление России, но пошатнула все здание европейской политики.

Эта политическая система долгое время базировалась на равенстве сил, точно определенных: двойственное соглашение между Россией и Францией контрбалансировалось тройственным союзом между Германией, Австро-Венгрией и Италией. Непосредственное и естественное последствие ослабления России войной и позже революцией, которая была вызвана военными неудачами, ставило в опасное положение двойственный союз. Как в Париже, так и в Лондоне ясно сознавалось, что равновесие сил не может быть восстановлено, если Англия не откажется от своей традиционной политики «полного одиночества» и не войдет в наиболее тесное сотрудничество с Францией. Наиболее важным шагом в этом направлении нужно признать англо-французское соглашение 1904 года относительно Египта и Марокко, предпринятое по инициативе короля Эдуарда VII. Это соглашение быстро развивалось и вскоре приняло форму того, что принято называть «сердечным согласием». Во время Русско-японской войны это согласие испытано наиболее действительным способом в вопросе о мирном разрешении

конфликта между Россией и Англией, которая готова была склониться к вооруженному столкновению из-за инцидента¹, имевшего место у Доггер-банка.

С другой стороны, германский император, который делал все возможное, чтобы подвигнуть царя на политику авантюры на Дальнем Востоке, пользовался в это время всяким удобным случаем, чтобы испортить отношения между Россией и Англией. Правитель Германии давно питал надежду изолировать Англию и путем перегруппировки европейских держав образовать на континенте антибританский союз. Подобная группировка временно была осуществлена в 1895 году, когда Россия, Франция и Германия объединились в вопросе о предъявлении ультиматума Японии после Симоносекского мира. Император Вильгельм являлся душой этой комбинации, к которой Франция присоединилась только скрепя сердце, Россия относилась более или менее безразлично и от участия в которой Англия благоразумно воздержалась. Эта комбинация была непродолжительна, но тем не менее она повлекла тяжкие последствия, так как именно ей следует приписать исходные причины, вызвавшие беспорядки, которые имели место на Дальнем Востоке в 1900 году, и, впоследствии, конфликт между Россией и Японией.

Со своей стороны я сделал все, чтобы предохранить русский флот от опасности, но не со стороны японского флота, а от последствий той поспешности и неорганизованности, с которыми был предпринят проход через Большой Бельт. Я получил от датского правительства не только помощь лодчанами, но также и присутствием его канонерских лодок, которые были расставлены с таким расчетом, чтобы указывать все опасные пункты на протяжении всего пролива. Прохождение через Большой Бельт не сопровождалось ни замешательством, ни каким-либо несчастным случаем, но сейчас же после удачного прохода проливов произошел инцидент, который, к счастью, не имел серьезных последствий. Адмирал, встретив несколько грузовых норвежских судов и приняв их за японские миноносцы, произвел несколько выстрелов, которые, однако, не достигли цели. Впоследствии я не особенно был удивлен, когда узнал, что произошло в Северном море несколько позже.

Действительно, после того, как была предпринята дипломатическая процедура, чтобы изгнать Японию с Азиатского материка, сам германский император поспешил занять Киао-

---

¹ Инцидент у Доггер-банка произошел в ночь на 21 октября 1904 г., когда флот адмирала Рожественского, направляясь на Дальний Восток, проходил Северное море. Повстречавшись с флотилией рыбаков из Халла и предполагая, что он окружен японскими миноносцами, о пребывании которых в этих водах было сообщено русским бюро информации, адмирал приказал открыть огонь. Один из английских траулеров затонул, и несколько других получили серьезные повреждения. Один из русских крейсеров – «Аврора» – также пострадал. Адмирал Рожественский, несомненно, узнал на следующее утро о своей ошибке, но тем не менее продолжал без остановки свой путь и настаивал на версии о японской атаке. Этот инцидент вызвал громадное негодование в Англии и едва не повлек за собою разрыв с Россией. Будучи в то время посланником в Копенгагене, я, естественно, первым получил известие о том, что в действительности произошло в Северном море. Несколькими днями раньше я имел случай посетить флот, во время его прохода через Большой Бельт, и мог видеть, в каком нервном состоянии находились адмирал и многие из его офицеров, чтобы понять, какое впечатление должно было произвести на них известие о появлении японских миноносцев в европейских водах. Это известие исходило от одного человека, который называл себя Гартингом, но чье настоящее имя было Ландезен, – анархист в прошлом, который поступил на службу русской полиции и позже сделался начальником тайной русской полиции в Париже. Он несколько раз приезжал в Копенгаген и сообщал мне о появлении японских миноносцев в европейских водах. Не доверяя ему, я сам собрал справки по этому поводу и вскоре убедился в фантастичности его сведений, причем единственной целью, которую он преследовал, было получение возможно большой суммы денег от русского правительства. Я считал своим долгом сообщить об этом кому следовало в России, но мои предупреждения остались без внимания. Некоторое время спустя я получил показания от одного очевидца, который сопровождал адмирала и, покинув флот в Танжере, вернулся в Копенгаген. Его показания были пересланы мною русскому правительству, которое отказалось в них поверить и продолжало, вопреки всем доказательствам, питать доверие к версии адмирала Рожественского. В конце концов французское правительство, воспользовавшись своими дружескими отношениями как с Россией, так и с Англией, настояло на мирном разрешении конфликта, что привело, согласно Гаагской конвенции 1899 г., к образованию следственной комиссии, составленной из французских, американских и австрийских делегатов, которая работала в Париже под председательством адмирала Фурьева. Очень обстоятельный доклад этой комиссии совершенно определенно устанавливал ошибку, жертвой которой сделался адмирал Рожественский, но признавал ее добрые намерения и устранил всякие нарекания за проявленную будто бы им жестокость. Россия, конечно, с большой предупредительностью возместила все причиненные этим инцидентом убытки. Следует отметить также, что благодаря дружескому содействию Франции в работах этой комиссии сей печальный инцидент не только не испортил отношения между Россией и Англией, но даже предрасположил обе нации к дружескому сближению в будущем.

Чао и посоветовал царю захватить Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, который только что был вывучен из рук Китая. Этот поступок, аморальный сам по себе, вызвал сильнейшее раздражение как со стороны Китая, так и со стороны Японии. В Китае это послужило сигналом к боксерскому движению, вызвавшему военное вмешательство европейских держав, и послужило предлогом для оккупации Россией части Маньчжурии. В Японии это вызвало громадное негодование против России за ее участие в деле лишения Японии плодов ее победы. Позже то обстоятельство, что царь склонился к активной политике на Дальнем Востоке, снова не обошлось без влияния императора Вильгельма; в этом отношении характерна знаменитая телеграмма, которой кайзер, после встречи в Ревеле, приветствовал императора Николая, давая ему помпезный, но совершенно иллюзорный титул «адмирал Тихого океана».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.